

*Посвящается памяти Дэвида Маршалла
и других мужчин и женщин
из Интернациональных бригад,
которые сражались с фашизмом в Испании
и сложили в этой битве свои головы*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11
Введение	
<i>Гражданская война восемьдесят лет спустя</i>	15
Глава 1 <i>Расколотое общество: Испания накануне 1931 года</i>	33
Глава 2 <i>Вызов слева, 1931–1933</i>	58
Глава 3 <i>Противостояние и заговор, 1934–1936</i>	90
Глава 4 <i>«Карта Испании сочтена кровью»: от мятежа к гражданской войне</i>	130
Глава 5 <i>«За кулисами джентльменского соглашения»: великие державы предаются Испании</i>	166
Глава 6 <i>«Мадрид в сердце»: центральный эпос</i>	197
Глава 7 <i>Политика за линией фронта: реакция и террор в Граде Божиим</i>	236
Глава 8 <i>Политика за линией фронта: революция и террор в Граде Дьяволовом</i>	269
Глава 9 <i>Поражение в расщелку</i>	310
Глава 10 <i>Мир Франко</i>	351
Эпилог	371
Основные действующие лица	379
Глоссарий	382
Список сокращений	384
Библиографический очерк	386
Об авторе	425
Предметно-именной указатель	427

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первую версию этой книги я написал в 1986 году. Моя цель состояла в том, чтобы снабдить нового читателя удобным путеводителем в библиографическом лабиринте, который образовался после того, как гражданская война в Испании продолжилась теперь уже в бумажных битвах. К тому времени существовало несколько тысяч книг о гражданской войне в Испании, многие из них выглядели как огромные фолианты. Поток публикаций не иссякал, и в 1996 году я переписал книгу заново — с учетом публикаций, вышедших на протяжении десятилетия после ее первого издания. На тот момент я и представить себе не мог, сколько всего еще произойдет. Затем, в 2006 году, я создал еще одну, существенно расширенную версию, попытавшись учесть весьма значительный массив исследований, опубликованных после 1996 года на испанском, каталанском, английском и других европейских языках. В основу этого труда также легли мои собственные продолжающиеся исследования Франко, франкистских репрессий и роли Муссолини в гражданской войне в Испании. В последующие годы поток информации не прекращался, и в этом новом издании* я учитываю наиболее важные достиже-

* Обновленное оригинальное издание вышло в 2016 году. — *Прим. ред.*

ния в знаниях о войне, а также опираюсь на свои недавние исследования о роли Франко, об убийствах мирных жителей за линией фронта с обеих сторон, об антиклерикальных преследованиях, о бомбардировке Герники и о том, как закончилась война.

Издание 2006 года неминуемым образом оказалось намного (на 50%) длиннее, чем версия 1996 года, а в этом издании добавлен дополнительный материал, появившийся в ходе новейших исследований. Как и три более ранние версии, книга направлена скорее на осмысление, чем на описание войны, и все же здесь даже еще шире, чем раньше, — чтобы передать атмосферу изучаемого периода — используются цитаты из источников того времени. Автор не ставил перед собой цель нащупать идеальный баланс между позициями обеих сторон, принимавших участие в войне. Я прожил несколько лет при диктатуре Франко. Невозможно было не знать о репрессиях против рабочих и студентов, о цензуре и тюрьмах. Еще в 1975 году продолжались казни политических заключенных. Несмотря на все заявления сторонников Франко, я не верю, что Испания хоть что-либо выиграла от военного мятежа 1936 года и победы националистов в 1939 году. Долгие годы, посвященные изучению Испании до, во время и после 1930-х годов, убедили меня, что Испанская Республика, пусть даже совершила много ошибок, была попыткой улучшить жизнь униженных и оскорбленных членов репрессивного общества. Месть Франко и его сторонников за подобного рода «безумие» стала жестокой и беспощадной. Все это означает, что я не слишком сочувствую испанским правым, — хотя, смею надеяться, понимаю их резоны.

Мой интерес к Испании пробудился на семинаре для аспирантов, который вели Хью Томас в Редингском университете и Хоакин Ромеро Маура в Оксфорде. Я многому научился за долгие годы дружбы с Гербертом Саутвортом, который всегда щедро делился со мной своими знаниями и был крайне гостеприимен. Работая над изданием 1996 года, я понял, сколь много я почерпнул из многолетних бесед с Рэймондом Карром, Норманом Купе-

ром, Денисом Смитом, Анхелем Виньясом, Хулианом Касановой, Херонимо Гонсало и Мартином Блинкхорном. В 1990-х годах историография гражданской войны в Испании претерпела глубокие изменения благодаря исследованиям Анхелы Сенарро, Хелен Грэм, Джеральда Хаусона, Энрике Морадельяоса, Альберто Рейга Тапия, Франсиско Эспиносы Маэстре и Исмаэля Саза. Чтение этих работ — и многочасовые беседы с их авторами — по-прежнему обогащают меня новым материалом и идеями.

Мои друзья Пол Хейвуд и Шила Эллвуд оказали мне неоценимую поддержку в период работы над первой версией книги. При подготовке второго издания их роль взяла на себя Хелен Грэм; также плодотворным оказался обмен идеями и информацией с Хилари Рагер и Франсиско Эспиносой Маэстре. Я также был благодарен Франсиско Морено Гомесу, Изабело Эррерос и Луису Мигелю Санчесу Тостадо за помощь в решении конкретных вопросов. В последующие годы мне удалось извлечь множество преимуществ из постоянного общения с Линдой Полфриман, Борисом Володарским, Кармен Негрин, Анхелем Виньясом, Франсиско Эспиносой Маэстре, Фернандо Эрнандесом Санчесом, Хавьером Серверой Хилем, Энрике Листером Лопесом, Аурелио Мартином Нахерой из Фонда Пабло Иглесиаса и Серхио Мильяресом из Фонда Хуана Негрина.

Моя жена Габриэль остается самым проникательным моим критиком. Учитывая подобный состав команды друзей, всегда готовых прийти на помощь, кажется удивительным, что в той или иной книге все равно могут обнаружиться свои недостатки. И все же, как ни прискорбно, это так; в любом случае вина за них лежит исключительно на мне.

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война восемьдесят лет спустя

19 октября 2005 года 90-летний Сантьяго Каррильо был удостоен звания почетного доктора Автономного университета Мадрида. Каррильо — важная, пусть и не бесспорная, фигура в движении сопротивления диктатуре Франко — состоял в должности генерального секретаря Коммунистической партии Испании (КПИ) на протяжении трех десятилетий, с 1956 по 1985 год. Присуждение ему степени почетного доктора стало в первую очередь признанием его роли в борьбе за демократию и его «исключительных заслуг, особенно в области политики национального примирения, а также решающего вклада в процесс демократических преобразований в Испании». Каррильо получил широкое признание благодаря той умеренной и сдерживающей роли, которую он сыграл на решающем этапе перехода от диктатуры к демократии. Однако во время гражданской войны, в возрасте двадцати одного года, он был начальником службы безопасности в мадридской Хунте обороны, когда в Паракуэльосе убили большое количество заключенных, поддерживавших правых. Ровно поэтому церемонию вручения степени сорвали воинствующие протестующие, которые принялись скандировать *iParacuellos — Carrillo*

asesino! («Паракуэльос! Каррильо убийца!»). Каррильо уже не раз оказывался объектом жестоких нападков со стороны ультраправых. Из-за своей предполагаемой роли в убийствах в Паракуэльосе он подвергался атакам с самого момента своего возвращения в Испанию в 1976 году. 16 апреля 2005 года Каррильо должен был выступить на презентации книги историка Сантоса Хулиа «Две Испании», но в книжный магазин ворвались крайне правые и принялись громить все и вся. Недели не прошло, как на стене, прилегающей к многоквартирному дому, где он жил, появились граффити: «Вот так начиналась война, и мы победили», «Каррильо, убийца, мы знаем, где ты живешь» и «Где испанское золото?».

Все эти инциденты показывают, сколь остро в современной Испании воспринимается проблема гражданской войны. По географическому масштабу, по человеческим трагедиям, не говоря уже об ужасах, связанных с использованием технологий, гражданская война в Испании уступает более поздним конфликтам. И все же о ней написано около 30 000 книг — литературная эпитафия, которая делает ее сопоставимой со Второй мировой войной. Отчасти это отражение того факта, что даже после 1939 года война между победоносными националистами Франко и побежденными и изгнанными республиканцами не прекратилась. Более того, по крайней мере для иностранцев, сохранение интереса к испанской трагедии было тесно связано с долголетием победителя в этой войне. То, что генерал Франко, захвативший власть с помощью Гитлера и Муссолини, оставался диктатором на протяжении десятилетий, воспринималось как оскорбление — вызывавшее ярость противников фашизма во всем мире. Более того, разрушение демократии в Испании нельзя было считать всего лишь постепенно отмирающим пережитком унижений периода «умиротворения». Вместо того чтобы попытаться загладить рубцы гражданской войны, Франко, напротив, больше, чем кто-либо другой, сделал все для того, чтобы эта война оставалась актуальной и злободневной проблемой — как внутри Испании, так и за ее пределами.

Напоминания о том, что франкизму удалось одержать победу над международным коммунизмом, часто использовались для того, чтобы привлечь к себе расположение внешнего мира. Особенно драматичным образом это проявилось сразу после Второй мировой войны, когда предпринимались отчаянные попытки отмежевать Франко от его бывших союзников из стран «оси». В связи с этим акцент делался на его враждебности к коммунизму — а его столь же яростное противодействие либеральной демократии и социализму сознательно затушевывалось. На протяжении всего периода холодной войны неоспоримый антикоммунизм националистической стороны в гражданской войне использовался для создания образа Франко как оплота западной системы; он был «часовым Запада», как любили выражаться его пропагандисты. В самой Испании воспоминания о войне и последовавших за ней кровавых репрессиях старательно подпитывались, чтобы сохранить актуальность так называемого «пакта крови». Диктатора поддерживала разнородная коалиция: привилегированные землевладельцы, промышленники и банкиры, а также те, кого можно было бы назвать «обслуживающими классами» франкизма: представители среднего и рабочего классов, которые по каким-либо причинам — из оппортунизма, по убеждению или просто в силу того, что они оказались в годы войны на территории, контролировавшейся франкистами, — связали себя с режимом; наконец, те простые испанские католики, которые встали на сторону националистов, сочтя их защитниками религии, закона и порядка. Напоминания о войне использовались как средство сплочения и поддержания колеблющейся лояльности любой из этих групп — или их всех.

Принадлежавшие к привилегированным слоям обычно отстранялись от диктатуры и с презрением относились к ее пропаганде. Однако те, кто был причастен к коррупции и репрессиям режима, выгодоприобретатели от убийств и грабежей, оказались особенно восприимчивы к намекам на то, что между ними и мстью их жертв стоит только Франко. В любом случае для многих из тех,

кто служил диктатору в качестве полицейских, гражданских гвардейцев, скромных *серенос* (ночных сторожей) или *портерос* (швейцаров), в рамках принадлежности к гигантской бюрократии единой партии Франко «Движение» (*Мовимьенто*), в ее профсоюзной организации или в огромной сети ее газет и журналов, гражданская война была важнейшей частью их биографии и их системы ценностей. Им предстояло создать то, что в 1970-х годах стало известно как «бункер» — сообщество нестигаемых франкистов, готовых сражаться за ценности гражданской войны на руинах Рейхсканцелярии. Аналогичное и даже еще более опасное обязательство было выдвинуто преторианскими защитниками наследия того, что испанские правые в широком смысле называют «18 июля» (дата военного мятежа 1936 года). С 1939 года армейских офицеров учили в академиях, что вооруженные силы существуют для защиты Испании от коммунизма, анархизма, социализма, парламентской демократии и регионалистов, которые хотели разрушить единство Испании. Соответственно, после смерти Франко «бункеру» и его военным сторонникам предстояло предпринять попытку еще раз уничтожить демократию в Испании — во имя победы националистов в гражданской войне.

Для этих ультраправых усилия националистической пропаганды, направленные на поддержание ненависти времен гражданской войны, возможно, были избыточными. Однако режим явно считал их необходимыми для испанцев, менее лояльных партии, — которые поддерживали Франко пассивно: кто-то совсем неохотно, кто-то с определенным энтузиазмом. Католикам и представителям среднего класса, которых ужасала (нарисованная правой прессой) картина антиклерикализма республиканцев и учиненных ими беспорядков, приходилось закрывать глаза на наиболее неприятные аспекты кровавой диктатуры из-за постоянных и форсируемых напоминаний о войне. Через несколько месяцев после окончания военных действий начала публиковаться объемная «История крестового похода», выходившая еженедельными выпусками. Она прославляла героизм побе-

дителей и изображала побежденных как обманутых Москвой: либо как жалких корыстных людишек, либо как помешанных на крови палачей, упивающихся садистскими зверствами. Вплоть до 1960-х годов поток публикаций, многие из которых предназначались для детского чтения, представлял войну как религиозный «крестовый поход» против коммунистического варварства.

За плотно запечатанными границами франкистской Испании побежденные республиканцы и симпатизировавшие им иностранцы отвергли франкистскую интерпретацию, согласно которой гражданская война была битвой сил порядка и истинной религии против еврейско-большевистско-масонского заговора. Вместо этого они методично твердили, что война представляла собой борьбу угнетенного народа, стремящегося к достойной жизни, против сопротивления отсталых землевладельческих и промышленных олигархий Испании и их нацистских и фашистских союзников. К сожалению, разделенные глубокими разногласиями в вопросе о причинах своего поражения, они не сумели представить столь же монолитное и последовательное видение войны, как их оппоненты-франкисты. Результатом стало ослабление их коллективного голоса. Однако вовлеченные в бурные споры о том, удалось бы им победить националистов, развернули они народную революционную войну, за которую выступали анархисты и троцкисты, противопоставляя ее ведению обычных военных действий, за что выступали республиканцы, социалисты и набиравшие силу коммунисты, они чрезвычайно обогатили литературу о гражданской войне в Испании.

После этого в дебаты относительно «войны или революции» вступили сторонники республиканцев, неспособные смириться с поражением левых. В эпоху холодной войны такого рода дискуссии использовались для распространения представления о том, будто именно сталинистское удушение революции в Испании обеспечило победу Франко. Ради пропаганды этой идеи финансируемый ЦРУ Конгресс за свободу культуры спонсировал создание нескольких работ о гражданской войне.

Противоестественный союз анархистов, троцкистов и бойцов холодной войны оказался успешен — в результате чего тот факт, что за победу националистов ответственны Гитлер, Муссолини, Франко и Чемберлен, а не Сталин, остался в тени. Тем не менее новые поколения продолжают открывать для себя гражданскую войну в Испании, иногда выискивая параллели с национально-освободительной борьбой во Вьетнаме, на Кубе, в Чили и Никарагуа, а иногда просто стремясь обрести в испанском опыте идеализм и жертвенность, столь очевидно отсутствующие в современной политике.

Значимость гражданской войны для защитников Франко и для левых по всему миру не в полной мере объясняет то внимание, которое испанский конфликт привлекает к себе и сегодня со стороны гораздо более широких социальных групп. Ведь по сравнению со Второй мировой войной, Кореей и Вьетнамом он может показаться мелочью. Как отметил Рэймонд Карр, после Хиросимы или Дрездена бомбардировка Герники кажется «незначительным актом вандализма». И все же это событие вызвало более ожесточенные споры, чем, пожалуй, любой другой инцидент эпохи Второй мировой войны. И дело тут не в силе картины Пикассо, как полагают некоторые, а в том, что Герника стала первым случаем полного уничтожения воздушной бомбардировкой незащищенной гражданской цели. Соответственно, гражданская война в Испании огнем впечатана в европейское сознание не просто как репетиция грядущей большой мировой войны, но и как предвестник открытия шлюзов для новой и ужасающей формы современной войны, внушающей страх.

Мужчины и женщины, рабочие и интеллектуалы ринулись в Интернациональные бригады именно потому, что разделяли коллективный страх перед тем, что может означать поражение Испанской Республики. Левые уже в 1936 году ясно увидели то, что даже демократически настроенные правые на протяжении последующих трех лет предпочитали игнорировать: Испания оказалась последним оплотом против ужасов гитле-

ризма. В Европе, пока еще не осведомленной о преступлениях Сталина, организованные коммунистами бригады боролись, похоже, за многое из того, что стоило спасать с точки зрения как раз демократических прав и профсоюзных свобод. Добровольцы верили, что, борясь с фашизмом в Испании, они также борются с ним в своих собственных странах. Ретроспективный взгляд на грязную борьбу за власть внутри республиканской зоны между коммунистами, с одной стороны, и социалистами, анархистами и квазитроцкистской Рабочей партией марксистского объединения (ПОУМ), с другой, не в состоянии отменить идеализм людей, причастных к этому. То, что итальянцы и немцы, бежавшие от Муссолини и Гитлера, наконец смогли поднять оружие против своих преследователей — и затем вновь потерпели поражение, воспринималось как подлинная трагедия.

Зациклиться исключительно на ужасах испанской войны и важности защиты от фашизма — значит упустить из виду один из самых позитивных факторов республиканского опыта — попытку втянуть Испанию в двадцатый век. В унылой Европе времен Великой депрессии события, разворачивавшиеся в республиканской Испании, казались захватывающим экспериментом. Знаменитый комментарий Оруэлла подтверждает это: «С первого взгляда было ясно, что тут есть за что сражаться»*. Достижения Испанской Республики в сфере культуры и образования были лишь наиболее известными из аспектов социальной революции, оказавшей влияние на современный мир: причем в большей степени, чем Куба в 1960-х годах или Чили в 1970-х годах. Испания не только была рядом — ее социальные эксперименты проходили в контексте всеобщего разочарования неудачами капитализма. К 1945 году борьба против стран «оси» стала ассоциироваться с сохранением старого мира. Между тем во время гражданской войны в Испании борьба с фашизмом еще рассматривалась лишь как первый шаг к построению нового, эгалитар-

* Пер. В. И. Бернацкой.

ного мира, способного преодолеть Великую депрессию. В данном случае потребности войны и междоусобные конфликты помешали полному расцвету промышленных и аграрных коллективов республиканской зоны. И все же было и есть нечто вдохновляющее в том, как испанский рабочий класс решал двойную задачу — войну против старого порядка и строительство нового. Лидер анархистов Буэнавентура Дуррути лучше всего выразил этот дух, когда сказал канадскому репортеру Пьеру Ван Пассену: «Мы не боимся разрушений, мы унаследуем землю. Буржуазия может взорвать и разрушить свой мир, прежде чем покинет историческую сцену. Но мы несем новый мир в наших сердцах».

Все это, возможно, свидетельствует о том, что интерес к гражданской войне в Испании складывается из ностальгии со стороны современников, придерживавшихся правых и левых взглядов, и политического романтизма со стороны молодежи. В конце концов, есть веские основания представлять гражданскую войну в Испании как «последнее великое дело». Недаром гражданская война вдохновила величайших писателей своего времени так, как ни одна последующая. Однако даже и вынеся за скобки ностальгию и романтизм, невозможно переоценить историческую значимость испанской войны. Помимо воздействия, сравнимого с климатическими изменениями, на саму Испанию, война во многом стала узловым моментом 1930-х годов. Болдуин и Блюм, Гитлер и Муссолини, Сталин и Троцкий сыграли существенные роли в испанской драме. Ось Берлин — Рим была окончательно сформирована в Испании в то же самое время, когда была беспощадно разоблачена несостоятельность политики умиротворения. Это была прежде всего испанская война — или, скорее, серия испанских войн, — однако это было также и великое поле международной битвы фашизма и коммунизма. Полковник фон Рихтгофен практиковал в Стране Басков методы блицкрига, которые он позже отточит в Польше, агенты НКВД же пытались воспроизвести московские процессы над лидерами ПОУМ, поскольку она состояла из диссидентов — антисталински настро-

енных марксистов, а одним из ее основателей, наряду с Хоакином Маурином, был Андреу Нин, некогда работавший в Москве секретарем Троцкого. Русским помешало лишь то, что испанские республиканцы упорно требовали соблюдать надлежащие судебные процедуры.

Испанский конфликт не лишен своей актуальности и в наши дни. Война отчасти возникла из-за яростного сопротивления привилегированных слоев населения и их иностранных союзников реформистским попыткам либеральных республиканско-социалистических правительств улучшить повседневные условия жизни самых обездоленных членов общества. Параллели с Чили 1970-х годов или Никарагуа в 1980-е годы вряд ли нужно специально подчеркивать. Аналогичным образом та легкость, с которой Испанская Республика оказалась дестабилизирована искусно спровоцированными беспорядками, тревожно резонирует с Италией и той же самой Испанией 1980-х. К счастью, испанская демократия, когда военные, ностальгирующие по франкистской Испании победителей и уничтоженных, попытались в 1981 году свергнуть ее, выжила. Гражданская война в Испании велась также из-за решимости крайне правых в целом и армии в частности подавить баскскую, каталонскую и галисийскую версии национализма. В Испании не было этнических чисток того типа, который наблюдался во время гражданской войны в бывшей Югославии. Тем не менее во время и после войны Франко предпринимал систематические попытки искоренить все остатки местного национализма, политического и языкового. Культурный геноцид, осуществлявшийся кастильским централистским национализмом, пусть и оказался в конечном счете тщетным, все же предоставил основания для того, чтобы сравнивать испанский и боснийский кризисы.

В самой Испании пятидесятая годовщина войны в 1986 году была отмечена почти оглушительным молчанием. Был телевизионный сериал и несколько сдержанных научных конференций. Для одной из них — под названием «Валенсия: столица

Республики» — поэт и художник Рафаэль Альберти разработал рекламный плакат на основе республиканского флага — негласно, но, по сути, запрещенного. Никаких официальных торжеств, связанных с юбилейной датой, не проводилось. Это был акт политической сдержанности со стороны социалистического правительства, полностью осознающего «уязвимость чувств» военной касты, воспитанной в условиях франкистского антидемократизма и ненависти. Можно оценить его и более позитивно — как вклад в так называемый пакт забвения (*pacto del olvido*), молчаливое коллективное согласие подавляющего большинства испанского народа отказаться от любого сведения счетов друг с другом после смерти Франко. Само неприятие насилия гражданской войны и того режима, который она породила, пересилило любые мысли о мести.

На самом деле в 1986 году, в пятидесятую годовщину начала войны, из-за которой Испания на протяжении почти сорока лет страдала от международного ostracismo, страна была официально принята в Европейское сообщество. Спустя десять лет угасание франкизма и продолжающееся укрепление демократии стали особенно наглядными — когда испанское правительство при поддержке всех партий предоставило гражданство выжившим членам Интернациональных бригад, сражавшимся с фашизмом во время гражданской войны. Это был желанный, хотя и запоздалый, жест благодарности и примирения, который служит напоминанием о жестокой и кровавой Испании — той, которая, возможно, исчезла навсегда.

Можно было бы ожидать, исходя из сказанного, что к 2006 году страстный интерес к гражданской войне в Испании наконец-то угаснет. На самом деле — ровно наоборот. Только в первые годы двадцать первого века всерьез взялись за решение важной для многих семей проблемы незавершенных дел — поиска мест захоронения, надлежащего перезахоронения и оплакивания умерших. Половина Испании отдала своим мертвым должное более шестидесяти лет назад. А вот то, что другой половине

страны до недавнего времени в этом отказывали, является одной из главных причин того, почему гражданская война в Испании по-прежнему способна вызывать страсти.

26 апреля 1942 года правительство Франко начало масштабное расследование под названием «Общее дело» (*Causa General*). Его непосредственной целью был сбор доказательств правонарушений со стороны республиканцев. Собранные «материалы» включали в себя как документы, так и неподтвержденные слухи. Это было приглашение всем, у кого накопились подлинные обиды: родственникам убитых или тем, кто был заключен в тюрьму или чье имущество было конфисковано или украдено в республиканской зоне, — излить свое желание отомстить. Среди прочего это позволило кому угодно, имеющему личные счеты или жаждущему чьей-то собственности или жены, очернять своих врагов. Хотя процедуры были крайне нестрогими, сделанные заявления, обоснованные или нет, использовались для того, чтобы грубыми красками намалевать обобщенный образ республиканской порочности. Это было частью общей тенденции, которая наблюдалась с июля 1936 года во всех частях националистической зоны, попавших под контроль мятежников. После того как националисты пришли к власти, убитых левыми правых опознали и похоронили с честью и достоинством, с церемониями, которые часто сопровождались актами крайнего насилия в отношении местных левых. Тела особо известных жертв войны, таких как лидер фалангистов Хосе Антонио Примо де Ривера или первоначальный лидер военного переворота генерал Хосе Санхурхо, были эксгумированы, а затем перезахоронены с пышными церемониями.

В ходе этих разнообразных процедур подавляющее большинство жертв преступлений в республиканской зоне оказались идентифицированы и подсчитаны. Их семьи получили возможность оплакать их, и очень часто их имена высекались в местах увековечивания, в криптах соборов или на внешних стенах церквей, на местах их смерти устанавливались кресты или мемори-

альные доски, а в некоторых случаях в их честь даже назывались улицы. В результате военного переворота в республиканской Испании исчезли структуры правопорядка, и на их восстановление ушло несколько месяцев. Соответственно, зверства в республиканской зоне часто были делом рук преступных элементов или вышедших из-под контроля экстремистов, хотя также, но реже, являлись и результатом преднамеренной политики левых групп, решивших устранить своих политических врагов. Это огромное разнообразие преступлений на протяжении почти сорока лет подавалось пропагандистской машиной победоносного режима, в основном полицейскими, священниками и военными, так, будто это была официальная политика Республики. Все это делалось для того, чтобы оправдать военный переворот 1936 года, спровоцированную им бойню и последующее установление диктатуры. Посредством прессы и радио «Движения», через систему образования, с амвонов испанских церквей пропагандировалась единая, монолитная интерпретация гражданской войны. До 1975 года официальная пропаганда тщательно лелеяла воспоминания о войне и кровавых репрессиях не только для того, чтобы унижить побежденных, но и чтобы непрерывно напоминать победителям, чем они обязаны Франко. Для тех, кто был замешан в сетях коррупции и репрессий режима, это служило напоминанием о том, что Франко и режим нужны им как бастион, защищающий от возвращения их жертв, которые, как они воображали, захотят совершить кровавую месть.

Для тех же, кто находился в левой части политического спектра, ничего и близко похожего на процесс «закрытия дела», не предполагалось. «Пропавших без вести» (*desaparecidos*) были тысячи, их тела не обнаруживались, обстоятельства их смерти не подтверждались. В отличие от семей националистов, ставших жертвами республиканского насилия, родственники республиканцев, ставших жертвами националистических репрессий, не могли открыто скорбеть, не говоря уже о том, чтобы хоронить своих погибших. Даже после смерти Франко проблема противостоя-

ния различных моделей памяти о гражданской войне оставалась чрезвычайно сложной, поскольку ненависть, вызванная войной, продолжала терзать людей на протяжении тридцати семи лет после ее официального окончания. Диктатура навязала монолитное видение прошлого, однако множество других воспоминаний, скрытых и подавленных, никуда не делись. Многие тысячи семей хотели узнать, что случилось с их близкими и если, как они опасались, они были убиты, то где находятся их тела. В первые месяцы перехода к демократии страх новой гражданской войны боролся с желанием узнать больше о республиканском прошлом. В конечном итоге стремление гарантировать восстановление, а затем и укрепление демократии оказалось более весомым как для политиков, так и для большинства простых людей. Формальный отказ от мести, являющийся необходимым условием перемен, был закреплен в политической амнистии не только для тех, кто выступал против диктатуры, но и для тех, кто виновен в преступлениях против человечности, совершенных на службе у диктатуры. Текст амнистии от 14 октября 1977 года был поддержан большинством политических сил. Призраки гражданской войны и франкистских репрессий по-прежнему бродили по Испании, но, чтобы не дать вновь разбередить старые раны, сменявшие друг друга правительства — как консервативные, так и социалистические — действовали предельно осторожно, когда речь шла о финансировании памятных мероприятий, раскопок и исследований, связанных с войной.

Решимость большинства испанского народа обеспечить бескровный переход к демократии и избежать повторения насилий в новой гражданской войне не только пересилила всякое желание мести, но и принесла в жертву стремление к знаниям. Таким образом, «пакт забвения» окутал прошлое завесой молчания в интересах все еще хрупкой демократии. Соответственно, официальные инициативы, направленные на увековечение памяти прошлого, исчислялись единицами, а в системе образования наблюдалась определенная сдержанность в отношении

преподавания истории гражданской войны и ее последствий. Тем не менее на местном уровне многие историки продолжали изучать репрессии Франко, составляли списки жертв, и для многих из них упоминание в этих книгах оказалось единственным надгробием или памятником. Несмотря на свою политическую ценность и важность как показателя большой политической зрелости испанского народа, «пакт забвения» не был принят историками. На самом деле, несмотря на «пакт», с самого начала в Ла-Риохе, Каталонии и Арагоне проводились обширные исследования наиболее отвратительных аспектов гражданской войны. В других местах шаткое перемирие с прошлым вскоре было нарушено появлением нескольких важных работ о репрессиях в Андалусии, Эстремадуре, Галисии и других регионах, которые в течение всей войны или ее части находились в зоне влияния националистов. За последние двадцать лет то, что начиналось как ручеек, превратилось в полноводную реку книг, которые, хотя и написаны с самых разных точек зрения, в целом сформировали критический взгляд на офицеров, поднявших восстание в 1936 году.

Помимо потока исторических трудов, в тот же период возникло народное движение за восстановление подлинной истории войны и нюансов диктатуры Франко на местном уровне. Возник ряд организаций и объединений, занимающихся тем, что получило название «восстановление исторической памяти». Тому способствовали несколько факторов. С одной стороны, возникло ощущение, что демократия теперь достаточно консолидирована, чтобы выдержать серьезные дебаты о гражданской войне и ее последствиях. В основе этого лежала также острая необходимость, связанная с осознанием, что сокращается число выживших свидетелей. Не вдаваясь в щекотливый вопрос о том, что существует множество различных исторических воспоминаний об одних и тех же событиях, следует признать, что концепция восстановления памяти оказала глубокое влияние на народ, коллективная память которого на протяжении многих десяти-

летий находилась как бы за решеткой. Начался процесс, включающий в себя раскопки общих могил, регистрацию показаний выживших и распространение бесчисленных телевизионных документальных фильмов о том, что произошло. Таким образом, сегодня, спустя восемьдесят лет после начала гражданской войны в Испании и ее последствий, вновь ведутся страстные и порой ожесточенные споры.

Нарушение табу, связанного с «пактом забвения», обернулось драматическими и неожиданными последствиями. Создание ассоциаций, занимающихся восстановлением исторической памяти, и усилия по поиску останков пропавших без вести помогли залечить душевные раны многих семей. Газеты регулярно печатают отчеты об эксгумациях. Не проходит и недели, чтобы в каком-либо городе или провинции не был опубликован подробный отчет о репрессиях, а число подтвержденных жертв растет. Действительно, после многих лет занижения этих цифр, сейчас они приближаются к уровням, о которых когда-то говорили потрясенные очевидцы во время и сразу после войны. В некоторых местах были созданы «маршруты памяти», следуя которым можно увидеть места, где происходили зверства или акты сопротивления, что создало огромный дискомфорт не только для виновных или их родственников. Вызванное процессом возмущение охватило не только тех, кто ностальгирует по диктатуре. Недовольство изъявили более широкие слои общества, которые — в долгосрочной перспективе — оказались бенефициарами режима. Именно этой аудитории была адресована серия чрезвычайно успешных исторических полемических работ.

Помимо целой армии занятых серьезными исследованиями ученых появилась небольшая группа пишущих и вещающих авторов, которые подсвистывают со стороны: мол, страдания жертв республиканцев были значительно меньше, чем утверждается, да и — так или иначе — они ведь сами виноваты в своих страданиях. Соответственно, гражданская война в Испании вновь разворачивается на бумаге. Эти самодеятельные ревизионисты заяв-

ляют, будто историографические достижения последних сорока лет во всем их бесконечном многообразии являются результатом зловещего заговора, в который замешаны почти все представители исторической профессии и многие историки-любители. Широкий круг историков, от консерваторов и священнослужителей до либералов и левых, а также региональных националистов, обвиняется в консолидации усилий — с целью навязать монолитную и политически мотивированную интерпретацию истории гражданской войны в Испании и ставшего ее продуктом режима. С точки зрения серьезных исследований ревизионистские работы содержат в себе мало нового. Они реанимируют основные тезисы франкистской пропаганды таких писателей, как Томас Боррас, или агентов тайной полиции — Эдуардо Комина Коломера и Маурисио Карла. В некоторых случаях они даже буквально воспроизводят названия известных франкистских текстов. Единственное, что является новым, — это использование в книгах, на яростных кружковых дебатах (*tertulias*) или дебатах на радио приема, свойственного реалити-шоу: манеры оскорблять авторов новой историографии, вместо того чтобы вести с ними цивилизованную дискуссию.

Следствием этого стало появление в Испании разъедающей напряженности в ежедневном политическом дискурсе. Основная часть историографии гражданской войны состоит из более или менее серьезных исследовательских работ, которые пользуются, что необычно для такого рода исследований, популярностью. Напротив, работы ревизионистов ставят перед собой как раз ту современную политическую цель, которую они разоблачают в других. Их критика Республики является неявной критикой тех ее ценностей, которые пережили диктатуру или возродились в современной испанской демократии. Это особенно актуально в отношении федералистских элементов нынешней структуры Испании, поскольку ревизионистский гнев был спровоцирован тем фактом, что нынешнее левое коалиционное правительство в Каталонии активно спонсирует расследование репрессий. Ранее правые воз-